
РЕЦЕНЗИИ, ИНФОРМАЦИЯ

В. С. ГРЕХНЕВ

ИНТЕРЕСНЫЙ ТРУД ПО СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

**Проблемы социально-философской теории. Выпуск 1.
Редактор-составитель А. М. Селезнев. М., 2004.**

В последнее время в нашей научной литературе не так уж часто обращаются к исследованию собственно проблем методологии социального и социально-философского познания. Между тем нельзя не видеть, что лавинообразные и довольно-таки хаотичные потоки информации, обуславливающие современное социально-философское, равно как и частнонаучное социогуманитарное знание, хотя и открывают широкие возможности для развития этого знания, но сами по себе отнюдь еще не свидетельствуют о точности построенных на их основе научных выводов и прогнозов. Ведь введение новой информации в круг научных обобщений без выверенных и глубоких оснований ее осмысления, интерпретации, систематизации не может не сказаться на самой науке, значимости ее выводов и рекомендаций для практики. Отсутствие последовательных и адекватных научному постижению действительности способов ее объяснения и понимания не только подрывает научный статус каких-либо отдельных положений и выводов ученого, но и размывает сами принципы существования и развития науки как важнейшего инструмента общественных преобразований. В этом случае становится практически невозможной ориентация людей на науку, ибо у них теряется представление о том, где истина, где заблуждение, и эта путаница переносится в реальную жизнь.

Сегодня практически все науки о человеке и обществе испытывают острый дефицит в выборе неких обобщенных, подлинно научных и адекватных самой социальной реальности принципов и

способов ее исследования. В этой связи, как никогда ранее, возрастает роль социально-философской методологии теоретического и практического обоснования научных методов, применяемых для исследования (объяснения и понимания) действительности. Ведь всякая проверенная практикой методология – это своего рода компас научного исследования, используемый в лабиринте самых разнородных и часто противоречащих друг другу концепций и точек зрения, позволяющий осветить наиболее оптимальные пути и способы постижения и интерпретации получаемого знания. Вот почему нельзя не отметить значимость выхода в свет компактного сборника «Проблемы социально-философской теории», подготовленного преподавателями кафедры философии гуманитарных факультетов МГУ и посвященного анализу некоторых наиболее важных методологических вопросов философии и ее социальной теории.

В первой главе сборника «Объективность, историзм и гуманизация научного знания», написанной проф. А. М. Коршуновым, в центре внимания – анализ принципов системно-целостного подхода к социальному познанию. Автор раздела исходит из диалектико-материалистического подхода, что само по себе очень важно в современных условиях фальсификации его содержания и огульных нападок на принципы его построения и использования в современной практике. Автор отмечает, что характеристика этих принципов отнюдь не исключает учета новых реалий, прежде всего, усиления роли сознательного фактора в жизни человека и общества. Именно поэтому познание в современных условиях, подчеркивает он, должно быть воспроизведением объекта, как он есть сам по себе, но обязательно в формах деятельности, с учетом отношения к нему субъекта, определенной заинтересованности в нем и оценки.

Раскрытие существа объективности, историзма и системности проводится А. М. Коршуновым преимущественно на примере развития исторического познания. Обращение к прошлому, пишет он, – не самоцель, а средство познания настоящего, поскольку любая историческая эпоха, как бы далеко она ни отстояла во времени от настоящего, не может утратить связи с современностью настолько, чтобы познание ее было полностью свободным от практики сегодняшнего дня. Именно поэтому на первый план в познании реаль-

ности, считает автор, должны быть поставлены вопросы единства настоящего, прошлого и будущего, ибо временной подход позволяет не только осознать диалектику современного бытия, его противоречивость, но тем самым и глубже раскрыть значимость объективности в научном исследовании.

Исходя из категорий отражения и практики, автор выявляет единство объективного и субъективного в познавательном образе. Объективность – адекватность отражения субъектом действительности. Но объективность познания – продукт активности субъекта, истоки которой – в практике и отношениях социальных субъектов. Проявление активности – в заинтересованности субъекта. Это значит, что объект раскрывает себя, или, лучше сказать, приобретает черты объективности лишь тогда, когда он включен в субъект-объектные и субъект-субъектные отношения. Как видим, автор здесь показывает принципиальную бесплодность попыток, с одной стороны, устранить из исторического познания субъективный момент в угоду объективному, а с другой – абсолютизировать субъективизм, отбрасывая при этом объективные основания познания, на чем, как верно отмечается в данной главе, сосредоточены в основном усилия многих современных философов. Конечно, игнорирование единства объективного и субъективного – старая традиция. Но ее проявление в современных условиях – голый и односторонний объективизм или субъективизм – так же, как и раньше, ведет познание по пути искажения социальной реальности.

Подлинная объективность в познании состоит в единстве объективного и субъективного, а также общего, особенного и единичного. Общество – продукт не просто действия объективных законов. Оно не обезличено, ибо оно всегда есть результат деятельности конкретных людей. Отсюда в познании необходимо выявление не только объективно-общих результатов деятельности людей, но раскрытие сущности и личностной индивидуальности отдельных субъектов. На этом пути, как отмечает автор, возникают большие трудности и искажения. Преодоление этих трудностей, считает А. М. Коршунов, возможно посредством использования такого познавательного приема, как вживание, когда ученый стремится понять и пережить те же мысли, чувства, что и историческая личность, о которой он пишет. При этом, естественно, ученый вы-

нужден как бы раздваиваться под влиянием предмета своего исследования, поскольку он должен стремиться проникнуть во внутренний мир своего героя и жить его жизнью, но одновременно он должен исследовать этого героя, рассказать о нем от лица современности. Как видим, сам процесс вживания в историческую эпоху и ее людей рассматривается автором не просто как перенос субъективности с познающего на познаваемого, а как выявление внутренней жизни исследуемого субъекта в связи с особенностями и познаваемого, и познающего субъекта. Важной особенностью такого рассмотрения вживания является также и то, что здесь учитывается роль социально-культурной среды.

Объективность в познании, считает А. М. Коршунов, не отделима от рассмотрения объекта как многоуровневого системного образования, являющегося результатом развития (принцип историзма). Единство объективности и системности, по его мнению, проявляется в виде трех уровней познания объекта: 1) предметное знание; 2) метасистемное знание; 3) синтетическое знание. При этом уровень синтетического знания, подчеркивает он, есть не просто механический синтез знания разных уровней объекта. Это знание целостное, воспроизводящее развивающийся объект, знание внутренне противоречивое, выявляющее объективную диалектику.

В рассматриваемой главе убедительно доказывается, что объективность не отделима также и от принципа гуманизма, что особо проявляется в требовании гуманизации современного научного знания. По своей сути, научное знание гуманистично, оно есть проявление творческой родовой сущности человека. Гуманизм знания заключается именно в том, что оно есть проявление мощи разума воспроизводить действительность. Именно поэтому гуманизм – это способ формировать не просто гражданское, а именно человеческое общество (основанное на общественной собственности), подчеркивает автор. Конечно, постановка вопроса о гуманизации знания определяется социокультурными отношениями, существующими в обществе. Общество неоднородно, здесь существуют борющиеся государства, классы, нации, социальные группы. И именно они могут ставить и ставят сплошь и рядом научное знание для решения как гуманных, так и антигуманных отношений.

Гуманизация знания – не отказ от поиска истины и не остановка развития науки. Главное состоит в том, чтобы поставить знание на службу для решения творческих задач человека и человечества. Решение этой задачи возможно, полагает автор, не во всяком обществе, а только в таком, где человек – цель, а не средство, где исключены отношения социального неравенства, отношения господства и подчинения, в которых все больше увязает жизнь России и тех стран, которые входили в состав Советского Союза.

Гуманизация знания имеет еще один аспект. Он связан с требованием гуманизации стиля мышления, наполнения знания постановкой и решением научных проблем человека. Это позволит превратить науку в сферу культуры, овладение которой станет возможной всеми людьми, проявляющими к этому склонность. Последнее, считает автор, должно относиться не только к гуманитарным, но и естественным наукам. В этой связи по-прежнему актуален вопрос о создании единой науки, предмет которой – человек. Ориентация предметного содержания науки на гуманистические ценности абсолютно не означает отказа от познания природы, но означает лишь формирование такого знания, где человек и природа как бы слиты воедино. Познание человека – путь к познанию природы, а познание природы есть вторжение и в мир человека, заключает А. М. Коршунов.

Второй раздел книги, написанный А. М. Селезевым, посвящен обстоятельному и скрупулезному анализу эволюции соотношения категорий «общественно-экономическая формация» и «конкретно-историческая цивилизация» в теории всемирно-исторического процесса К. Маркса и Ф. Энгельса. Автор обращает внимание здесь, прежде всего, на то, что материалистическое понимание истории, как свидетельствует об этом сама история формирования марксизма, с самого начала выполняло две органически связанные между собой функции: 1) функцию социально-философского объяснения всемирно-исторического процесса как поступательного развития человечества от низших стадий к высшим (для обозначения этих стадий К. Маркс и Ф. Энгельс с 1859 г., как известно, стали употреблять термин «формация»); 2) функцию идеологического обоснования необходимости и неизбежности революционного перехода

человеческого общества от капиталистической стадии к коммунистической.

Социально-философский тезис о том, что вся зафиксированная в письменных памятниках история представляет чередование формационных стадий, функционирование которых сопряжено с острой классовой борьбой, и революционных (межформационных) стадий, объективно служил аргументом в пользу того, что именно так шла и только так будет идти история вплоть до коммунизма. Однако, как убедительно показывает А. М. Селезнев, К. Маркс и Ф. Энгельс нередко наряду с понятием «формация» для обозначения стадий общественного развития использовали также и понятие «цивилизация» (в особенности понятие «капиталистическая цивилизация»). Поскольку оба этих близких по своему содержанию понятия иногда употреблялись как тождественные, иногда в разных смыслах, ход развития общественной науки все настоятельнее требовал разграничить эти понятия.

В настоящее время, когда для социальной философии, да и для всего общественнознания, громадное научное значение приобретает понятие «цивилизация», такое разграничение становится особенно необходимым. В пользу этого мнения обычно высказывается ряд аргументов. Главными из них, по мнению автора, являются, во-первых, необходимость покончить с так называемым формационным редукционизмом, то есть с внедренной в советское общественнознание с начала 1930-х годов точкой зрения, будто формационный подход является единственно возможным ключом к объяснению всемирно-исторического процесса. Во-вторых, чрезмерная многозначность в употреблении термина «цивилизация» как в прошлом, так и, в особенности, в настоящем (земная цивилизация, современная человеческая цивилизация, аграрная, индустриальная, постиндустриальная цивилизации и т. д.). Неудобство многозначности термина «цивилизация» при его сопоставлении с понятием «формация» усугубляется еще и тем, что классики марксизма и их последователи очень часто в своих трудах употребляют понятие «цивилизация» как тождественное понятию «культура».

Поскольку проблема выяснения соотношения понятий «формация» и «цивилизация» затрагивает всю систему категорий социальной философии, ее необходимо рассматривать в качестве чрезвычай-

чайно важной методологической проблемы. Такие проблемы, считает автор, могут быть корректно решены лишь в том случае, если прослеживается вся история этих категорий в рамках социальной философии с того момента, когда они были впервые употреблены, и по сегодняшний день.

Третий раздел работы «Философия хозяйства: предмет и методы исследования» посвящен философскому осмыслению основ хозяйственной жизни общества и методам их познания. Такой подход, по мнению автора этого раздела Л. А. Тутова, призван противостоять узкому, прагматическому пониманию сущности хозяйственных процессов, взаимоотножению мира духовной и материальной культуры, отрицанию чуждых для нашей страны зарубежных моделей развития. Автор предлагает новую трактовку философии хозяйства, рассматривая ее как исследовательское направление в рамках философии, что позволяет с иных позиций взглянуть как на глобальные проблемы современности, так и на проблемы, которые раньше представлялись в рамках отдельных дисциплин (экономики, теории управления, правоведения). Кроме того, философия хозяйства дает анализ основных линий, намечаемых точками пересечения философских и экономических интересов в области теории хозяйства, претендуя на роль методологии.

Для обоснования предметного статуса философии хозяйства Л. А. Тутовым проделана большая работа по анализу и систематизации основных направлений, моделей, подходов к осмыслению хозяйственной жизни. При этом автор отталкивается, прежде всего, от идей таких русских философов, как С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, Н. Ф. Федоров, В. И. Вернадский и др. Он стремится показать, что опирающаяся на эти идеи модель философии хозяйства представляет интерес и для современных теорий общественного развития. Предложенный подход к пониманию предмета философии хозяйства как сферы творческой деятельности человека, связанной с сохранением жизни и ее совершенствованием, удачно дополняется структурированным объяснением специфики философии хозяйства на основе определения ее исходных предпосылок, а также понятийного аппарата и проблемного поля.

Благодаря системному подходу автору удалось представить целостную картину хозяйственной жизни, рассмотреть хозяйство

сквозь призму онтологического, гносеологического, аксиологического, феноменологического и антропологического аспектов. Философия хозяйства, как доказывает автор, должна включать в себя весь спектр существующих методов и приемов познания, познавательных практик, что позволяет ей избежать односторонности. В свете этого важное место отводится алогичным, нерациональным механизмам получения и обработки информации. Речь идет о художественной интуиции, чувственно-эмоциональном познании, экзистенциальном переживании, нравственных и религиозных оценках. С этим можно согласиться, поскольку сфера хозяйства не является замкнутой на саму себя, она практически всегда ориентирована на этические, религиозные, эстетические и прочие ценностные измерения человеческого опыта. С точки зрения автора, особый интерес представляет рассмотрение хозяйства как непрерывного процесса познания, а изучение истории хозяйственных форм – как истории познавательной деятельности человека. Именно поэтому, подчеркивает автор, проблема познания в философии хозяйства важна не только в теоретическом, но и в практическом плане, поскольку связана с выяснением условий существования человека – субъекта хозяйства, направлена на постижение основных ценностей и смысла хозяйства.

Таким образом, все три раздела сборника освещают важнейшие проблемы методологии построения и развития социального и социально-философского знания. Авторы доказывают, что потенциал диалектико-материалистической методологии познания общества далеко не исчерпан, что эта методология, при творческом, а не догматическом к ней подходе, способна эффективно служить глубокому и всестороннему анализу современных общественных процессов.

В качестве замечания авторам этого сборника, который, я надеюсь, будет прочитан всеми, кто так или иначе интересуется проблемами социальной философии, я хотел бы указать на необходимость помещения в этот сборник некоторой вводной или заключительной статьи. В этой статье следовало бы обобщить результаты, полученные каждым из авторов сборника, показать значение и потенциал используемой ими общей методологии социального познания.